

Примечания

¹ *Макиндер Х.Дж.* Географическая ось истории // Политические исследования. 1995. № 4. С. 163.

² *Хвостов В.М.* История дипломатии. Изд. 2. Т. II. М., 1963; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997.

³ См.: *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны

(1912–1914). М., 1962; *он же.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966; *он же.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974; *он же.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986; *он же.* С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989; *он же.* Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000; и др.

⁴ Об этом и других дальневосточных сюжетах подробнее см.: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008.

А.В. Голубев, О.С. Поршнева. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.

На протяжении последних лет изучение особенностей взаимовосприятия народов в рамках исторической имагологии привлекает внимание всё большего числа исследователей в нашей стране. Очевидно, что отечественная историография стремится наверстать упущенное время, поскольку проблемы анализа образно-представленческих систем, характерных для менталитета различных социальных слоёв и групп, вошли в сферу интересов зарубежных специалистов ещё несколько десятилетий назад¹. Рецензируемая монография известных российских историков А.В. Голубева и О.С. Поршневой в значительной степени выполняет эту задачу с привлечением широкого круга разнообразных по происхождению и характеру источников, которые исследуются авторами на основе целого комплекса методологических подходов: контент- и ивент-анализа, компаративистики, культурной антропологии. К безусловным достоинствам исследования следует отнести то, что его объектом выступает сознание не только образованной части российского общества, но и простых жителей деревень и городов.

Структура книги полностью соответствует стремлению авторов проанализировать динамику образов союзников сначала царской, а затем и Советской России с акцентом на годы Первой и Второй мировых войн. Введение даёт читателю общее представление о методологии работы, её источниковой и историографической базе

и степени изученности темы. В целом оно не вызывает возражений, однако авторы слишком кратко говорят о зарубежной историографии, хотя за последние годы по данной тематике было опубликовано немало статей и монографий германских, австрийских, французских, британских и американских авторов². Вызывает ряд вопросов и интерпретация авторами таких взаимосвязанных, но различных по содержанию когнитивных конструкций, как *образы* и *представления*. По моему мнению, необходимо учесть, что образы подобно «кирпичикам» формируют представления, которые в отличие от первых не ограничиваются фиксацией внешних признаков явлений, а содержат ещё и рефлекссию, то есть анализ (верный или ложный) их происхождения, внутренней структуры и условий существования. Группируясь вокруг определённого «тематического стержня», представления образуют группы (или кластеры), между которыми возникают связи системного характера различных видов: казуальные, атрибутивные, компаративные и т.п. Именно тогда можно говорить о формировании *системы представлений* у членов социальных общностей.

Деление основного содержания исследования на две примерно равные части выглядит обоснованным и логичным. В самом деле, как неоднократно справедливо отмечают Голубев и Поршнева, между восприятием россиянами союзников в

1914–1918 гг. и 1939–1945 гг. существовала заметная разница, хотя и наблюдалась определённая преемственность, как, скажем, в случае с Великобританией, подозрительность и скептицизм в отношении которой на протяжении всей первой половины XX в. не могли рассеять никакие официальные договоры, пропагандистские кампании или «жесты доброй воли» со стороны Лондона. Авторам удалось выявить любопытную тенденцию в развитии отношения России к союзникам в периоды мировых войн. Если на протяжении 1914–1918 гг. всплеск патриотических чувств и настроений в пользу тесного союза с державами Антанты, характерный для первых месяцев боевых действий, сменился к окончанию глобального конфликта стихийными антисоюзническими и даже прогерманскими выступлениями, то в годы Второй мировой войны недоверие и неприятие политики «столпов капиталистического окружения» СССР – Великобритании, США и Франции по мере становления Антигитлеровской коалиции уступили место позитивным оценкам этих стран у многих представителей советского общества, которые рассчитывали на либерализацию режима после победы над фашизмом. В то же время, по верному замечанию исследователей, колоссальный негативный опыт, приобретённый народами Европы, включая и граждан России, в процессе мировых войн, затронувших все сферы жизни людей, вытеснил саму войну как средство решения политических проблем на периферию общественного сознания, придав во второй половине XX в. лозунгу «мира во всём мире» характер своего рода «национальной идеи».

Можно согласиться с утверждением авторов о том, что в 1920–1930-е гг. Запад постепенно приобретал в глазах граждан СССР характеристику «зоны опасности», враждебной каждому советскому человеку. При этом на протяжении всего этого времени у Советской России, находившейся в «капиталистическом окружении», практически отсутствовали союзники, хотя в отдельные моменты на эту роль могли претендовать Германия, Франция и республиканская Испания. Видимо, сама переходность указанного периода обусловила бóльший интерес авторов к анализу

образов противников Москвы, чем кандидатов в её немногочисленные союзники. Как справедливо отмечают Голубев и Поршнева, с началом Второй мировой войны неопределённость представленной картины, складывавшейся в менталитете советского общества, не только не исчезла, но даже усилилась, благодаря подписанию с Германией пакта о ненападении – неожиданному для многих в нашей стране и за рубежом. И только начало Великой Отечественной войны позволило расставить все акценты, хотя, по верному наблюдению авторов, уже с середины 1944 г. часть номенклатуры в СССР начала задумываться о перспективах послевоенного сотрудничества с Западом, в то время как представители интеллигенции надеялись на демократизацию тоталитарной политической системы. К заслугам авторов в этой связи необходимо причислить отдельное рассмотрение ситуации, сложившейся в республиках Балтии, статус которых после роспуска Коминтерна в 1943 г. оставался «камнем преткновения» в отношениях членов Антигитлеровской коалиции. Хотелось бы только, как и в первой части монографии, увидеть на страницах рецензируемой книги, освещающих период Второй мировой войны, больше информации о восприятии советскими людьми помимо ведущих держав других союзников, к примеру Канады или Китая. В заключение отмечу, что иллюстрации и библиография, которые, к сожалению, отсутствуют в монографии, только повысили бы её научный уровень.

Оценивая обе части монографии как фундированные, содержательные и хорошо структурированные нарративы, которые позволяют читателю уяснить содержание основных этапов волнообразной трансформации образов союзников Российской империи, а затем и Советского Союза, хотелось бы обратить внимание на ряд спорных суждений авторов. Прежде всего, вряд ли правомерно вслед за известным зарубежным специалистом в области концептуального осмысления войн С. Ферстером относить вторую половину XIX в. к периоду возникновения тотальной войны, ведь «тотализация» как процесс приобрела свою собственную динамику лишь в годы Первой мировой войны,

да и то не в начальные месяцы, а примерно к зиме 1914–1915 гг. Далее, представляется, что довольно подробное описание коллизий в международных отношениях, предшествовавших развязыванию глобального конфликта 1914–1918 гг., можно было значительно сократить, указав вместе с тем на важнейшую характеристику этого периода – «дипломатическую революцию» 1902–1907 гг.³ Вызывает сожаление, что авторы фактически умалчивают о восприятии российским обществом таких стран, как Италия, Румыния и Япония. Между тем при всей периферийности Итальянского и Румынского фронтов по сравнению с Западным и Восточным их значение для объединения усилий Антанты трудно переоценить, а роль дальневосточного союзника, с которым Россия в 1916 г. подписала отдельный договор, вообще заслуживает особого рассмотрения, учитывая противоречивую динамику развития двусторонних отношений в предшествовавшие годы. Излишним представляется также повторное упоминание об англофобии со ссылкой на работы известного петербургского историка Б.И. Колодницкого (с. 24, 198).

Резюмируя, хотелось бы подчеркнуть, что книга, безусловно, очень интересна и

является творческой удачей авторов. Полагаю, что новое фундаментальное исследование социальной ментальности в контексте мировых войн XX столетия, представленное на суд читателя А.В. Голубевым и О.С. Поршневой, внесёт заметный вклад в наше понимание проблемы становления и трансформации образно-представленческой картины мира.

Е.Ю. Сергеев

Примечания

¹ Краткую характеристику зарубежной историографии второй половины XX в. по этой тематике см.: *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М., 2001. С. 12.

² См., например: *Neilson K., Prete R.* (eds) *Coalition Warfare: An Uneasy Accord.* Waterloo (Ca), 1983; *Wallach J.L.* *Uneasy Coalition. The Entente Experience in World War I.* Westport, 1993.

³ Развёрнутая характеристика «дипломатической революции» даётся в статьях: *Сергеев Е.Ю.* Англо-российская Антанта 1907 г. Новые аспекты // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 50–65; *он же.* «Дипломатическая революция» 1907 г. в отношениях России и Великобритании // Восток. 2008. № 2. С. 80–93; *он же.* Англо-русская Антанта 1907 г.: мифы и реальность // Россия и Британия. Вып. 5. М., 2010. С. 54–64.

Т. Флинк. Домой в ссылку. Депортация ингерманландских переселенцев из Финляндии в Советский Союз. 1944–1955. СПб.: Гйоль, 2011. 390 с.

Интерес к книге Тойво Флинка у меня был в известной степени личным. Из рассказов своей жены, ингерманландской финки, я знал, что семью её отца в 1936 г. депортировали из места постоянного проживания на Карельском перешейке, из Куйвозовского района. При этом, однако, семья получила возможность выбора места будущего проживания на территории Ленинградской области и компенсацию за утраченное имущество. Как такое могло произойти? В книге Тойво Флинка я нашёл ответ на интересующий меня вопрос, а также узнал много другой интересной и полезной информации, выявленной автором в архивах и книгохранилищах Финляндии и России. Особое место в ис-

следовании занимают многочисленные интервью автора, в том числе и с действующим президентом Финляндии Тарьей Халонен.

Инкери, Ингрия, Ингерманландия – об «исконной» государственной принадлежности этих земель говорить весьма сложно. Многие века здесь жили рядом славянские и финские племена. В средневековье эта территория входила в состав земель Новгородской республики. В начале XVII в. она была завоёвана Швецией, затем вновь возвращена Петром I, построившим именно здесь новую столицу – Санкт-Петербург.

Свой рассказ Т. Флинк начинает с событий после Февральской революции